

Иной над книгами день и ночь все сидит,
Другой же с трубою в nocturne время бдит,
Смотрит на планеты и цифрами толкует,
Чудно составление Вселенной испытует;
Многие ж мнимым златом vsue прельстятся,
В химии трудятся, оное найти лъстятся,
Или к механике любовь зелну имеют,
Или над стихами часто vsue потеют —
Итак, всякой к тому особливо рожден,
И веселится тем, во что он упражнен,
Так равно и петиметр только в одно то тщится,
К чему определен судьбиною родиться.
Убором он своим меня не огорчит,
Нрав его веселой всех людей веселит,
Есть ли досада в том, себя кто одевает,
Хоть ежедневно он обнову надевает?
Никаво другова он тем вить не вредит,
Коль свое имение в наряды истощит,
Однако и о том, сколь та ни щитаю,
Еще я никаво понынь не обретаю,
Кто б в одни уборы именье промотал
И без других страстей от них нищим стал.
Лишь видом он своим весь взор мой привлекает
И не меньше того веселостию прельщает,
Всегда весел и смел, в компании смешон,
Но не для того, чтоб всем глуп казался он.
Умом лишь он своим беседу утешает,
И для того смешон, что смешным быть желает,
Но часто то бывает, коль случай то велит,
Что постоянно речь и цоголь говорит,
И в ней, наоборот-то, разумен быть зрится,
Коль незнающему он прежде смешон мнится.
Так больших пороков не нахожу я в нем,
Разве последовать нашь отцу смертным всем:
Ходить нагим, как он, иль листья сплетая,
Свой стыд чтился прикрыть, иных оджд не зная,
Но я тому потом творец наш показал,
Чтоб кожею зверей он тело прикрывал,
И с того времени, одежды пременяя
С климатом разных мест иль с вкусом соглашая,
Иной народ себе власам расти давал,
Другой же, чтоб брить их, в закон себе щитал,
Многие же себя коротко одевали,
И у нас в старину азямы в моде стали,
Но как стал наш народ от суровств отвращен,
Комерцией со всей Европой соощен,
Тогда отцы наши их моды пернимали,
А азиацки нравы з брадами покидали.
А ты разве хочешь опять возобновить,
И давно умершу браду нам воскресить,
И вместо б кафтанов азямы надевали?
Поверь, мой друг, ты мне, твои труды пропали:
К старинным убором ты не можешь прельстить,
Но сам, коли хочешь в азямах ты ходить,
Тебе, поверь, скажу, никто не запрещает,
Но так же по тебе никто не подражает,
Но коль боишься ты смешну всем людям быть,
То лутче для тебя, нежелъ злодеем слыть.
Но что в твоём письме еще я ненавижу:
Что боле злости, нежелъ разума вижу.